

МЛ 63.3(2)1
Д 14

ДЕДУШКИНЫ
МЕДАЛИ

ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ
ПРАГИ

Дмитрий Дажин

ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ», МОСКВА • 1979

87 2 11 21

Мл 63.312
Д 14

Дмитрий Дажин

3 175482

**ЗА
ОСВОБОЖДЕНИЕ
ПРАГИ**

РИСУНКИ В. ТАРАКАНОВА

Ис.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАЛЫШ»
Москва · 1979

ДЕДУШКИНЫ
МЕДАЛИ

ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ
ПРАГИ

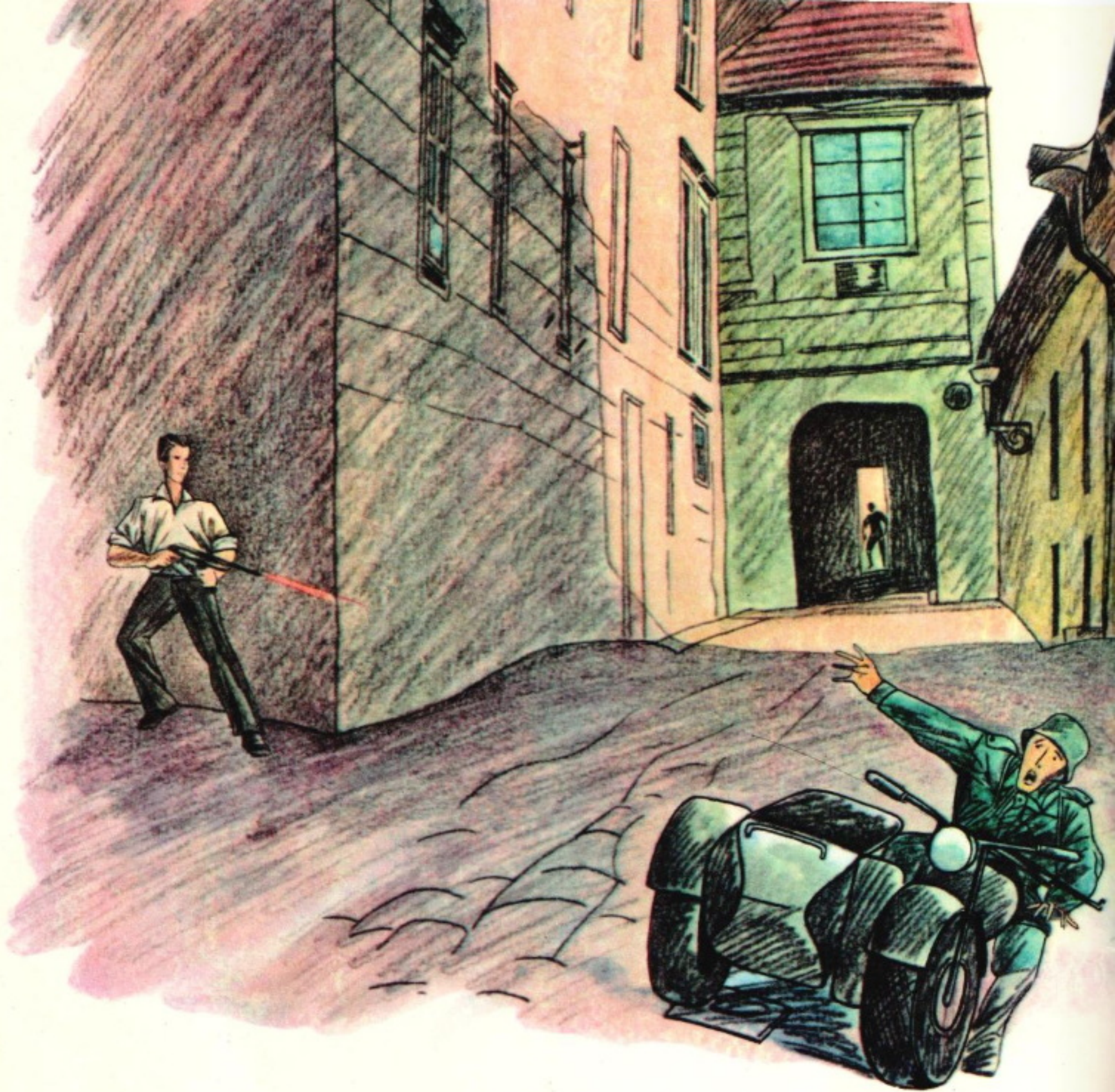

РУДА АРМАДА — НА ПОМОЩЬ!

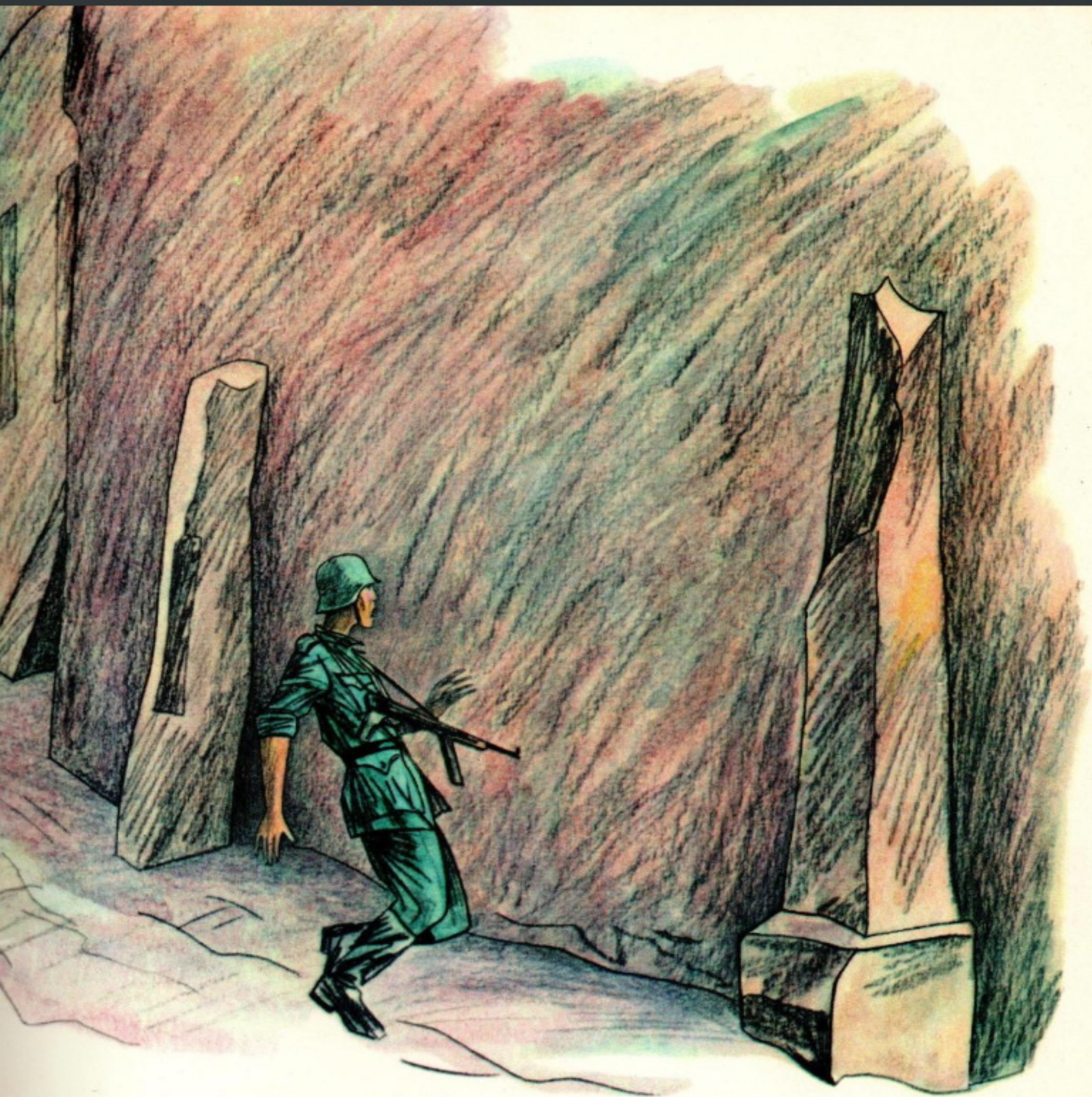
Весна 1945 года в Чехословакии была ранней. К началу мая зеленела трава на лужайках, голосисто щебетали скворцы. В садах цвели яблони и вишни.

По утрам люди с надеждой смотрели туда, откуда всходило солнце. Оттуда, с востока, наступала Красная Армия. Уже была освобождена от гитлеровских войск соседняя с Чехословакией Польша, уже полки и дивизии Красной Армии вошли в Германию и штурмовали Берлин.

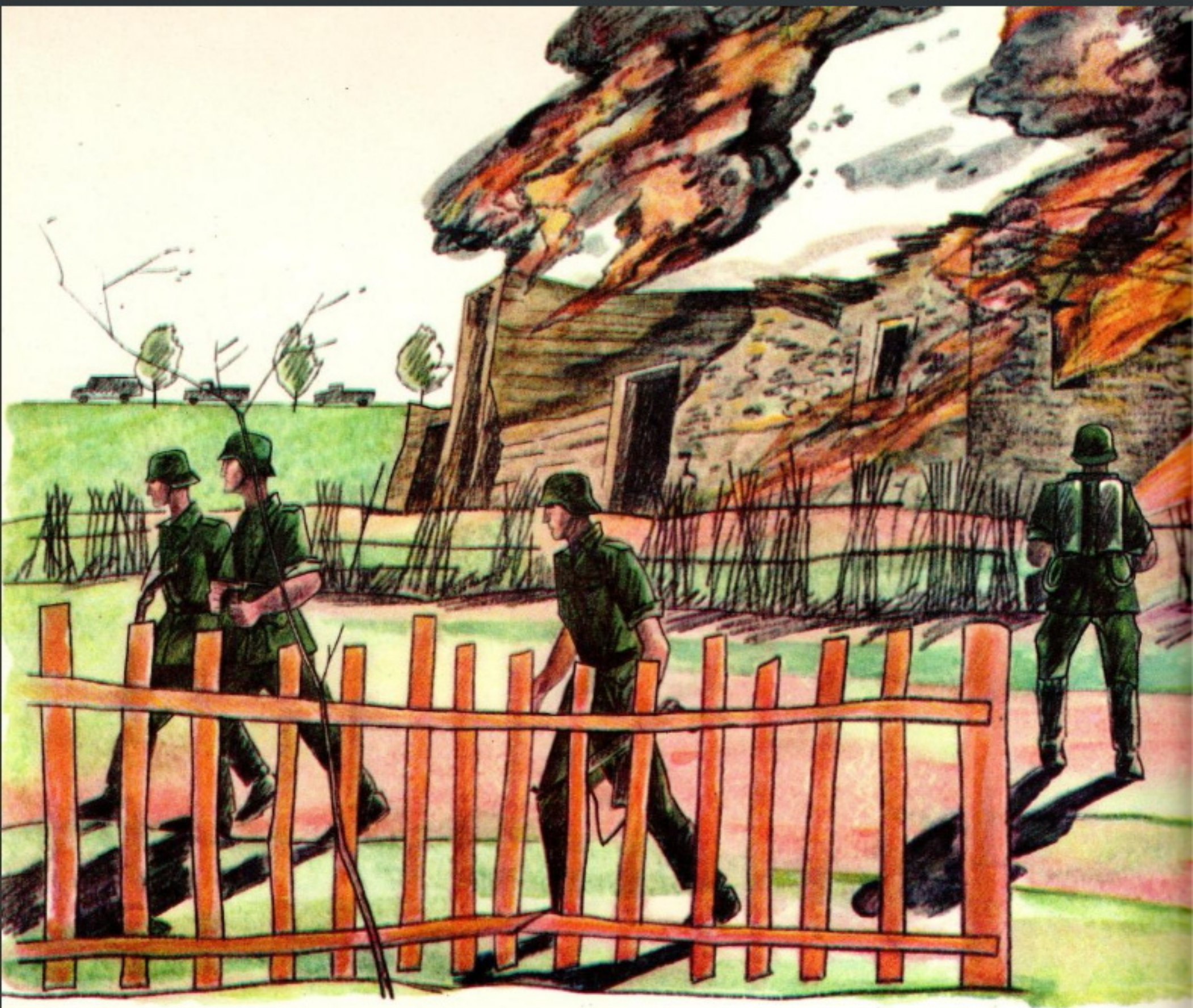
...Шесть лет назад Чехословакию захватили немецко-фашистские завоеватели. словно чёрная ночь опустилась над страной. Небывало тихими стали городские улицы — никто не смеялся, не пел, не разговаривал в полный голос. Ещё бы — ведь рядом фашисты... Работа на заводах и фабриках не приносила радости. В самом деле, можно ли радоваться подневольному труду на захватчика? Умолкли и сёла. Казалось: трава на опушках, птицы в рощах, кусты на обочинах дорог, ветви деревьев и ветер

над полями — все приумолкли под гнётом нашествия. Да и как не умолкнуть — что ни день, то жди в дом грабителей-оккупантов. Подавай им мясо, молоко, масло, яйца. Но сколько ни давай, всё им мало. Ненасытен фашист! А отказать — не откажешь. Мигом красного петуха пустит по деревне, поминай как звали и дом, и сад, и поле. Да что поле, весь отчий край того и гляди пойдёт

полюхать от фашистской руки, не знающей ни жалости, ни сострадания. Какому народу понравится такое? Вот и чехословацкий народ не стерпел. То фашистский эшелон с оружием летит под откос. То немецкую штабную машину обстреляют в горах. То кто-то на видном месте наклеил листовку с призывом сражаться с врагом.

Чтобы запугать непокорившийся захватчику народ, фашисты совершили неслыханное злодейство — уничтожили, стёрли с лица земли деревню Лидице.

Тот июньский вечер был тих и ясен. Крестьяне, закончив работу в поле, готовились к завтрашнему сенокосу. Матери, ласково напевая, укладывали детей спать. Вдруг окрестности Лидице огласил вой сирены. В село ворвались чёрные фашистские мотоциклы. За ними — строй военных грузовиков. Эсэсовцы с автоматами наперевес заполнили деревенские проулки. Прикладами выгоняли жителей из домов. Крики. Плач. Стоны. Свист пуль. Багровые языки пламени. Не стало на земле деревни Лидице.

Однако запугать население Чехословакии было не так-то просто. Уничтожение деревни Лидице и её жителей вызвало в народе не страх и покорность, как рассчитывали гитлеровцы, а желание отомстить врагу, стремление бороться за свободу родной земли до последнего дыхания, до последней капли крови. Борьбу против гитлеровцев возглавили чехословацкие коммунисты. Вокруг сплотились все, кому была дорога независимость Родины.

Немецкие захватчики понимали, что коммунисты — их самые опасные враги, и потому были к ним беспощадны. Много коммунистов погибло в фашистских застенках.

Особый героизм, стойкость и преданность партийному долгу

проявил Юлиус Фучик — народный герой Чехословакии. Фашисты подвергли его мучительным пыткам, требуя выдать товарищей по борьбе, назвать имена соратников по партии. Юлиус Фучик не сказал врагу ничего — не назвал ни одной фамилии, ни одного адреса. Юлиус Фучик был весёлым и жизнерадостным человеком. В тюрьме он не только сам старался не унывать, но и подбадривал товарищей по заключению, сочинял и передавал на волю тексты листовок, в которых звал свой народ на борьбу с захватчиками. В тюрьме Фучик написал книгу, которая стала бессмертной — «Репортаж с петлей на шее». В этой книге писатель рассказал потомкам о зверствах фашистов, о мужестве чехословацких патриотов в их борьбе за правое дело. Когда Юлиуса Фучика вели на казнь, пламенный революционер запел «Интернационал». Заключённые в ближних камерах подхватили гордую песню:

Это есть наш последний
И решительный бой!

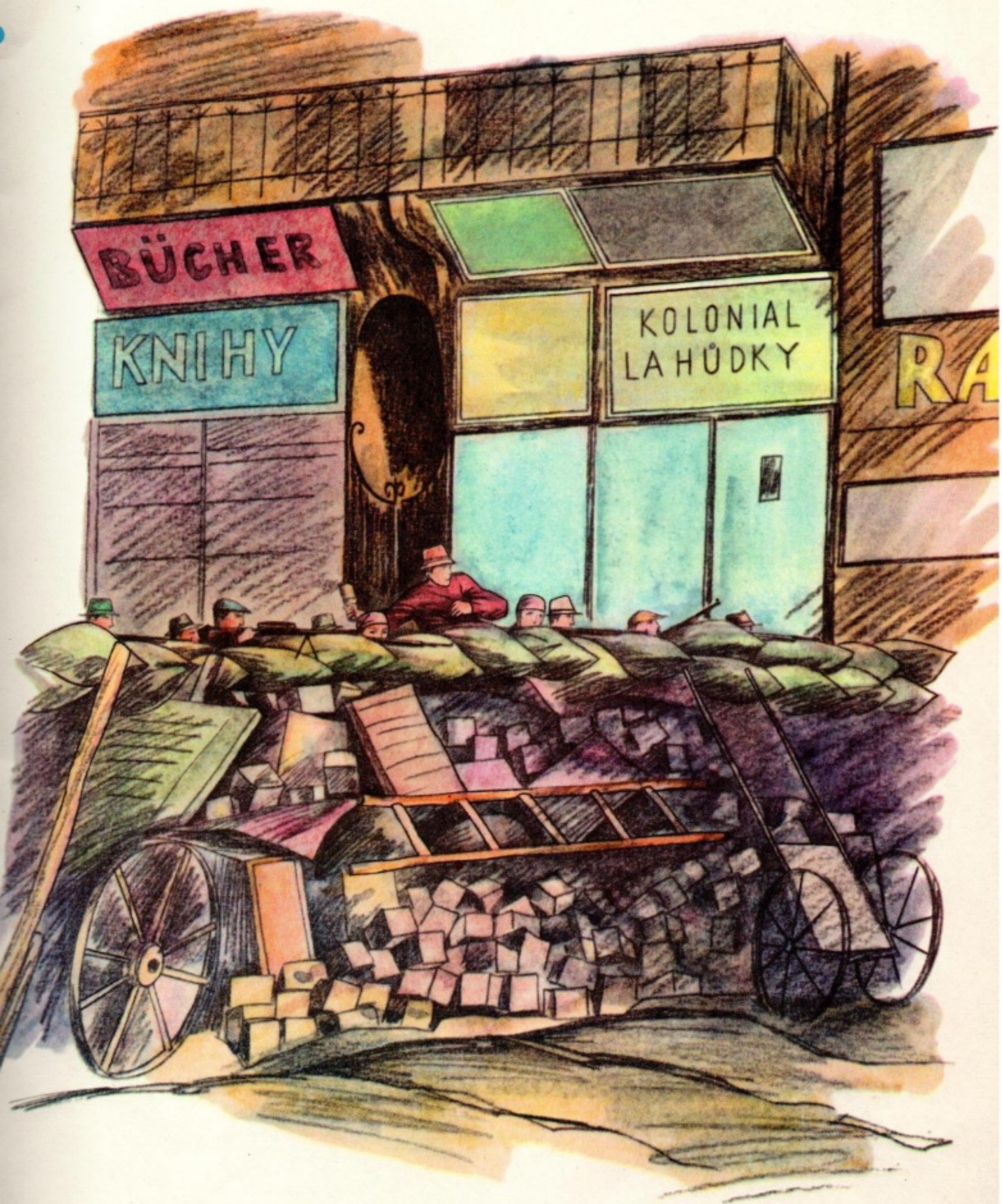
Действительно, смелым и решительным был последний бой коммуниста Юлиуса Фучика. Подвиг Фучика не пропал даром. Подвиг его дал жизнь новой, ещё более высокой волне освободительного движения Чехословакии.

В горах яростно били врага партизаны. Росли их ряды. Тысяча, пять тысяч, десять тысяч... «Ого! Это уже целое войско», — радовались в партизанском штабе.

Туго пришлось захватчику.

А в сентябре 1944 года, преодолев перевалы Карпатских гор, в Чехословакию вступили войска Красной Армии, в составе которых находились и воины Чехословацкого корпуса под командованием генерала Людвига Свободы. Желанный час освобождения приближался.

Пятого мая в Праге вспыхнуло народное восстание. Восставшие — рабочие пражских заводов и фабрик — захватили радиостанцию, почту, электростанцию, многие мосты через Влтаву, вокзалы, заводы «Шкода», «Авиа», «Вальтер». В городе не смолкала стрельба. Коммунисты бросили клич: «Все на баррикады!» Восставшие перегораживали улицы и проезды завалами из телеграфных столбов, камней, трамвайных шпал, рельсов. В ход пошли ящики, доски, бочки, мешки с песком, старая мебель. За одну ночь с пятого на шестое мая в Праге выросло две тысячи баррикад. Тридцать тысяч человек сражалось на баррикадах в те дни.

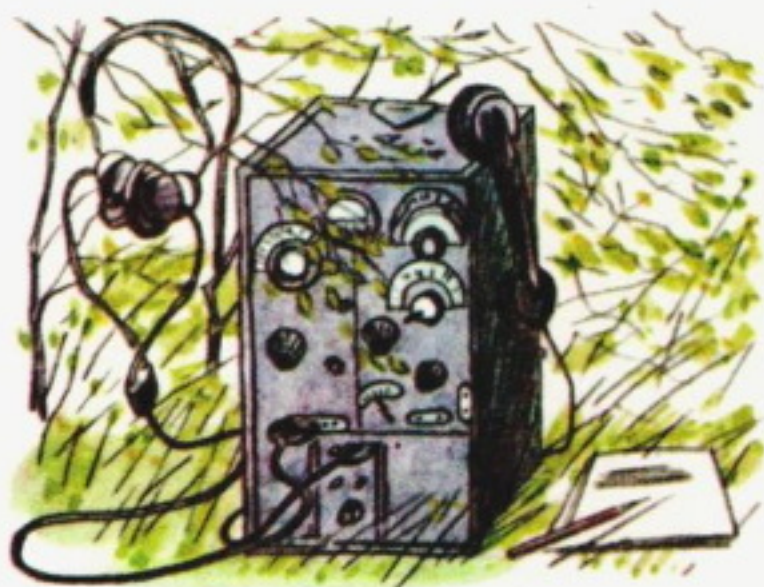

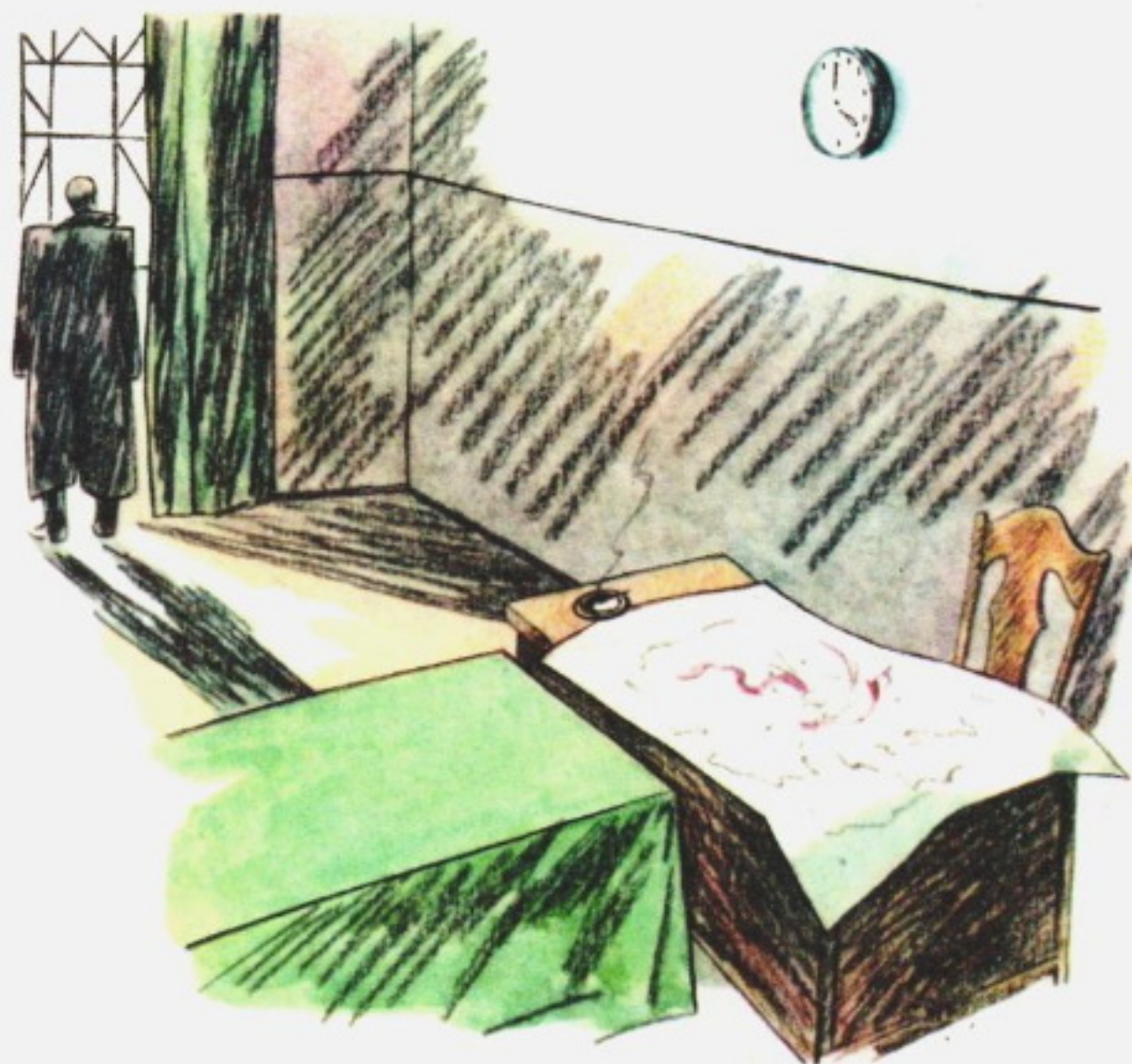
Но перевес сил всё-таки был на стороне гитлеровцев. Ведь у восставших — ни танков, ни артиллерии, а у оккупантов — танки, пушки, броневики, самолёты. Командующий немецко-фашистскими войсками фельдмаршал Шернер приказал восстание в Праге подавить во что бы то ни стало. Решено было разрушить город. Чтобы и следа не осталось от его старинных соборов, причудливых башен, университета, музеев, библиотек и больниц. От знаменитого Карлова моста, от Пражского града-кремля. Чтоб обуглились и почернели от пожарищ зелёные холмы над голубою Влтавой...

С трёх сторон подходили к городу гитлеровские фронтовые соединения: с севера — танковая дивизия «Райх», с востока — танковая дивизия «Викинг», с юга — усиленный полк ещё одной дивизии.

Вот тогда радисты боевых частей Красной Армии на разных фронтах и приняли такую радиограмму из Праги: «Помогите! Помогите! Руда Армада, на помощь!»

Зов Праги был услышан в Москве. Войска Красной Армии получили приказ: спасти столицу Чехословакии от разрушения, выручить чехословацкий народ из беды.

НОЧЬ ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

Дождь надоедливо стучит и стучит по оконным стёклам. Маршал Конев отодвинул штору, взгляделся в начавший светлеть сумрак — ночь близилась к концу. Однако дождь не умолкал, по небу неслись пухлые, низкие облака — хорошей погоды такое небо не обещало. А хорошая погода, ясное небо были ох как нужны!

Командующий Первым Украинским фронтом только что закончил совещание с командармами. Завтра — начало Пражской операции. Времени на операцию отпущено мало — всего четверо суток. Задача предстоит нелёгкая — выйти к Праге через перевалы Рудных и Судетских гор. Отсюда противник никак не ждёт нападения. Маршал так и сказал командармам:

— Быстрота, внезапность, маневренность — вот главное. Не дать врагу опомниться, ошеломить, смять, зажать его в железные клещи!

«Конечно, — размышляет маршал, — противник располагает большими силами. Почти миллионная группировка фашистских войск обосновалась и укрепилась в неосвобождённых районах

Чехословакии. Разведка сообщила, что у врага сосредоточено здесь десять тысяч орудий и миномётов, более двух тысяч танков и штурмовых орудий, тысяча самолётов. Войска состоят из отборных, прошедших школу войны, частей. Командует группировкой фельдмаршал Шернер. Это властный, преданный Гитлеру генерал. Он отдал своим войскам приказ сражаться, как говорится, до последнего. Понятно, — тут маршал снял очки, и усталые глаза неожиданно весело, по-мальчишески, блеснули, — Шернер хочет выиграть время, задержать наступление наших войск, чтобы успеть вывести свои армии в американскую зону боевых действий. Нет, Шернер, — усмехнулся Конев, — ничего не выйдет», — и подошёл к карте.

Карта вся испещрена красными и синими стрелами. Красные — это направления ударов наших войск. Синие — последние очаги сопротивления гитлеровских войск.

«Наши войска, — карандаш маршала медленно скользит по карте, — отрежут от Праги войска гитлеровцев, оставят их за спиной и прикроют Прагу стальным танковым щитом. С востока и северо-востока вступят в Прагу войска танковой армии генерала Рыбалко, с юго-запада и запада — войска танковой армии генерала Лелюшенко. Что ж, задумано как будто неплохо. Как-то будет на деле?»

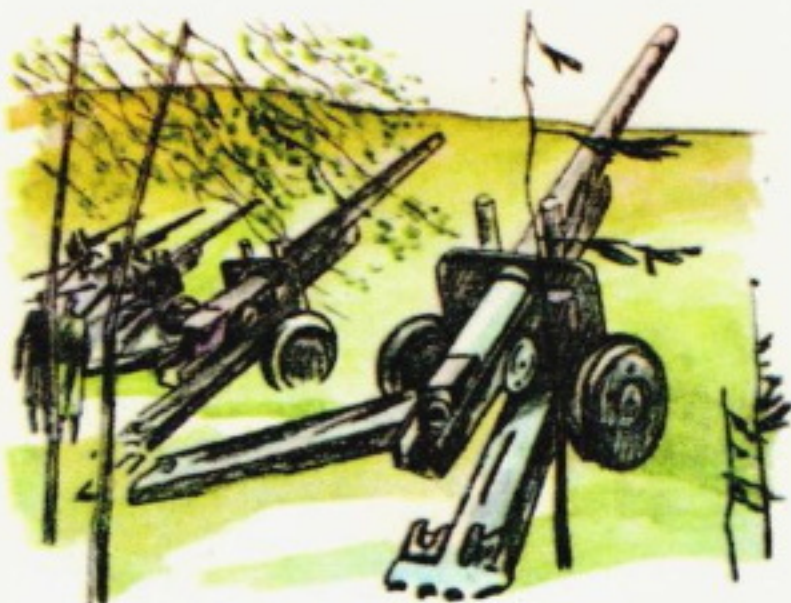
Пронзительно зазвонил телефон. Маршал посмотрел на часы. Наступило утро шестого мая. Ещё звонок. Ещё и ещё. Командармы докладывали:

— К выступлению готовы!

Стрелка часов подошла к условленной черте.

— Начинаем! — сказал маршал.

Дрогнула земля от могучих раскатов. Это начала операцию за освобождение Праги наша артиллерия. Под её прикрытием ринулись на вражеские укрепления красnozвёздные танки.

ВПЕРЕД — НА ПРАГУ!

Оборона противника прорвана. Вместе с советскими войсками двинулись на помощь родной столице войска Чехословацкого армейского корпуса. Вступила в бой 2-я армия Войска польского.

Десять танковых корпусов — тысяча шестьсот танков Первого Украинского фронта взяли курс на Прагу. Вместе с ними шли три мощные общевойсковые армии, которыми командовали генералы Пухов, Гордов, Жадов, а также ударные группировки Второго Украинского и Четвёртого Украинского фронтов.

Гудела земля под гусеницами танков. Ни минуты остановки. Вперёд — на Прагу!

По узким, извилистым горным дорогам, через перевалы, через вспенившиеся горные реки, через болотные топи.

Вперёд — на Прагу!

Гитлеровцы завалами преграждали путь. Вековые сосны повалены, опутаны колючей проволокой, наспигованы минами. Но

пехотинцы упрямо взбирались по крутым склонам, заходили вражеским заслонам в тыл, уничтожали вражеские укрепления. Сапёры расчищали дороги, на горных речках наводили мосты, через болота прокладывали деревянные гати. И снова — на предельных скоростях мчались машины и танки.

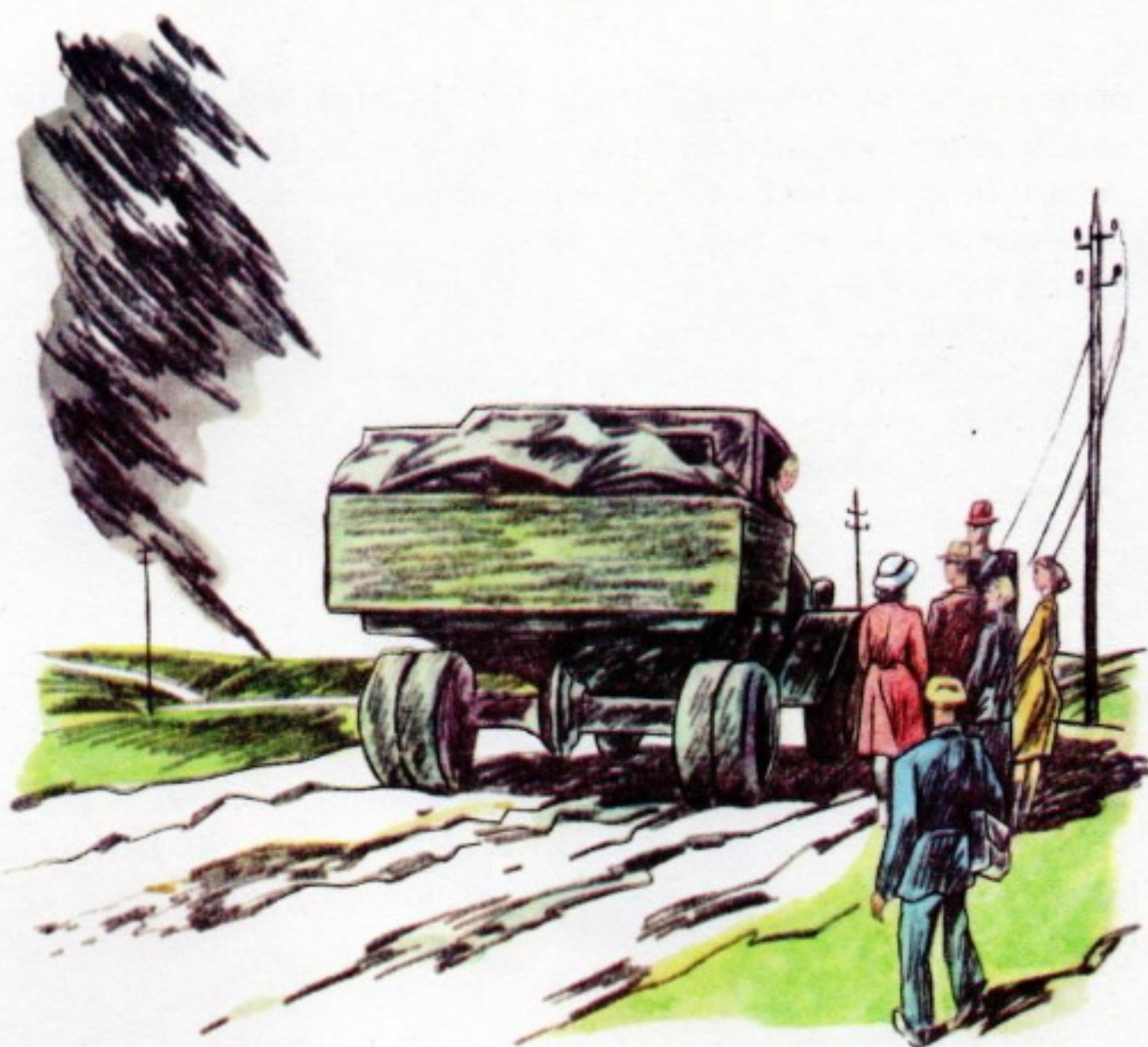
Вперёд — на Прагу!

А вскоре и дождь стал ослабевать. Небо прояснилось, сквозь рваные тучи проглянуло солнце. Наконец-то! Вступила в действие авиация. Воздушная армия генерала Красовского в две с лишним тысячи самолётов. Под прикрытием авиации ещё быстрее движутся вперёд советские танки, ещё точнее и увереннее действия пехотинцев.

Мелькают километровые столбы. Всё меньше и меньше расстояние до Праги, всё ближе и ближе борющийся, восставший город.

Вперёд!

У ДРУЗЕЙ ОДНИ ДОРОГИ

По пути на Прагу советским воинам охотно указывали дорогу сотни добровольных проводников — чехов и словаков. Опасности они не страшились. Тревожило другое: вдруг их не поймут? Помогал язык дружбы — Руда Армада, Москва, Ленин. Владея этим языком, нельзя не понять друг друга.

...Водитель Василий Онохин, глядя на бегущие по сторонам шоссе зелёные леса, красные маки в полях, домики вдалеке за лугами, размечтался о том, как вернётся он к себе в Синегорье. Встанет на крутом берегу Вятки, глянет на низкий берег, где издавна был их семейный покос...

Машина стала у обочины. Впереди был перекрёсток. По какой дороге ехать? Подходили жители. Смотрели вопросительно. Василий спрашивал. Они отвечали. Однако направление указать не могли.

Стоять бы машине да стоять. Но тут сквозь собравшуюся толпу

протиснулся пожилой рабочий. Через плечо сумка с инструментами. Василий почему-то решил, что железнодорожник. С похожей сумкой отец ходил в рейсы. Внимательные, улыбчивые глаза. Лучики морщин бегут к вискам — немало, должно быть, хлебнул лиха.

— Здравствуй, товарищ!

Водитель обрадовался, протянул руку:

— Здорово!

— Так вам в район Высочан? — выслушав русского, сказал чех. — Я поеду с вами.

— Но ведь вы домой, поди, торопитесь?

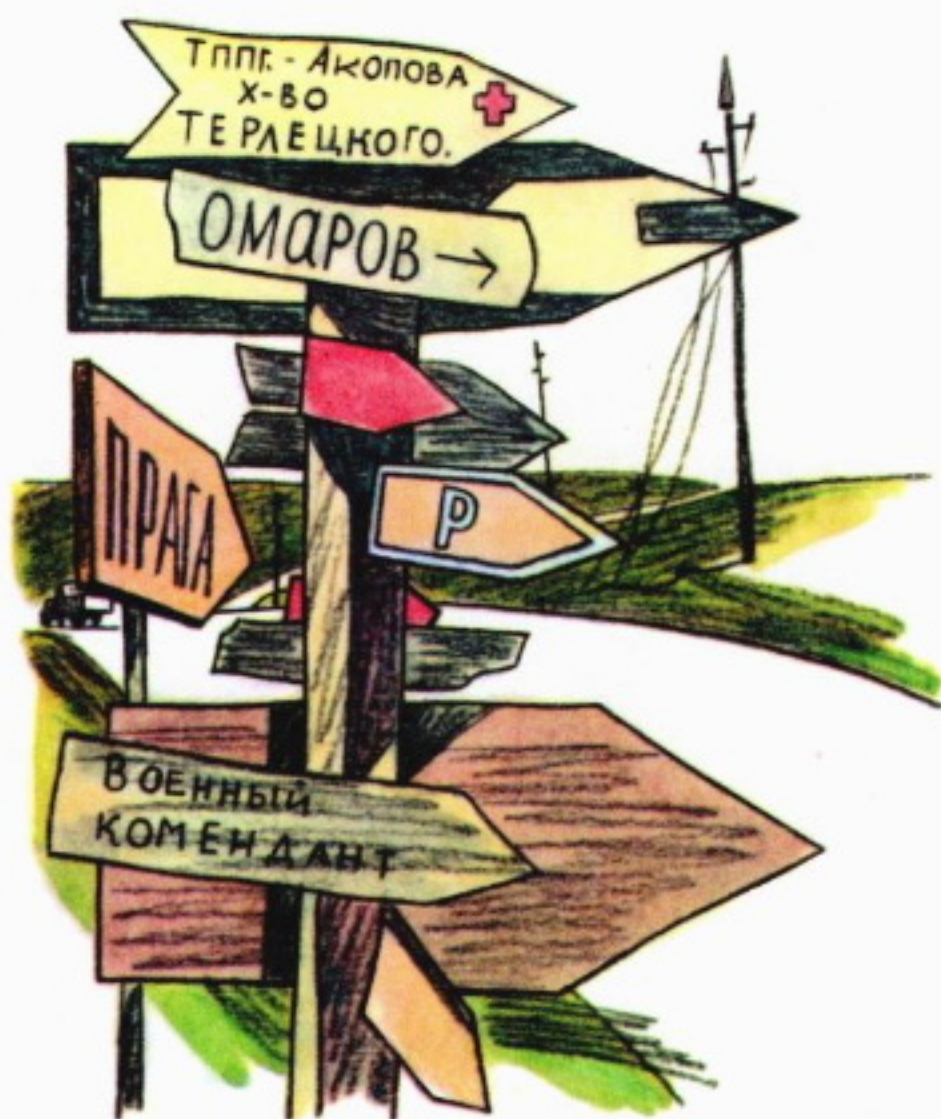
— Домой я успею. Наше с вами дело поважнее будет, верно? — чех поставил ногу на подножку, а Василию всё ещё было неловко: ждут с ужином человека, а он с ними ехать собирается.

— А там, в Высочанах, ещё стреляют, — предупредил он.

— Стреляют? — переспросил чех. — Так я, сынок, тоже умею стрелять. — Оба засмеялись. Поняли друг друга.

— Ну, тогда поехали, товарищ!

— Поехали, содруг!

РАЗГРОМ ФАШИСТСКОГО ШТАБА

В ночь на восьмое мая в штабе фельдмаршала Шернера царили страх и растерянность. Среди гитлеровских войск — смятение. Не ожидали они такого яростного удара Красной Армии, да ещё со стороны, казалось, неприступных гор. Зажатые стальными тисками наших танковых армий, гитлеровцы бросались то в одну сторону, то в другую, но выхода из танкового кольца не находили.

Штаб расположен в машинах, готовых к маршу. Всего часа полтора, как штабные машины с погашенными фарами под строжайшим секретом прибыли в городок Жатец, что в шестидесяти километрах от Праги. Отсюда Шернер и намеревался перебазировать штаб в место расположения американских войск.

То и дело к машине командующего подкатывают мотоциклисты

и передают адъютанту пакеты с донесениями. Вести неутешительные.

Вдруг ночную тишину разорвали звуки выстрелов. К машине Шернера подскочил перепуганный охранник:

— Русские в городе!

Стрельба усилилась. Послышались взрывы. По городку в панике метались шернеровские офицеры.

И тут хваленый гитлеровский фельдмаршал спешно сбрасывает военную форму, натягивает поношенный гражданский костюм, путаясь в рукавах и не попадая пуговицами в петли. Сутулится, чтобы скрыть военную выправку, и вместе с адъютантом пропадает во тьме. Он бежит. Без армии. Без штаба. Без войск. Без мундира.

А в городе — советские танки. Автоматчики гвардейской механизированной бригады действуют молниеносно: штабные машины гитлеровцев окружены, офицеры взяты в плен. Среди них — девять генералов. Штаб Шернера перестал существовать.

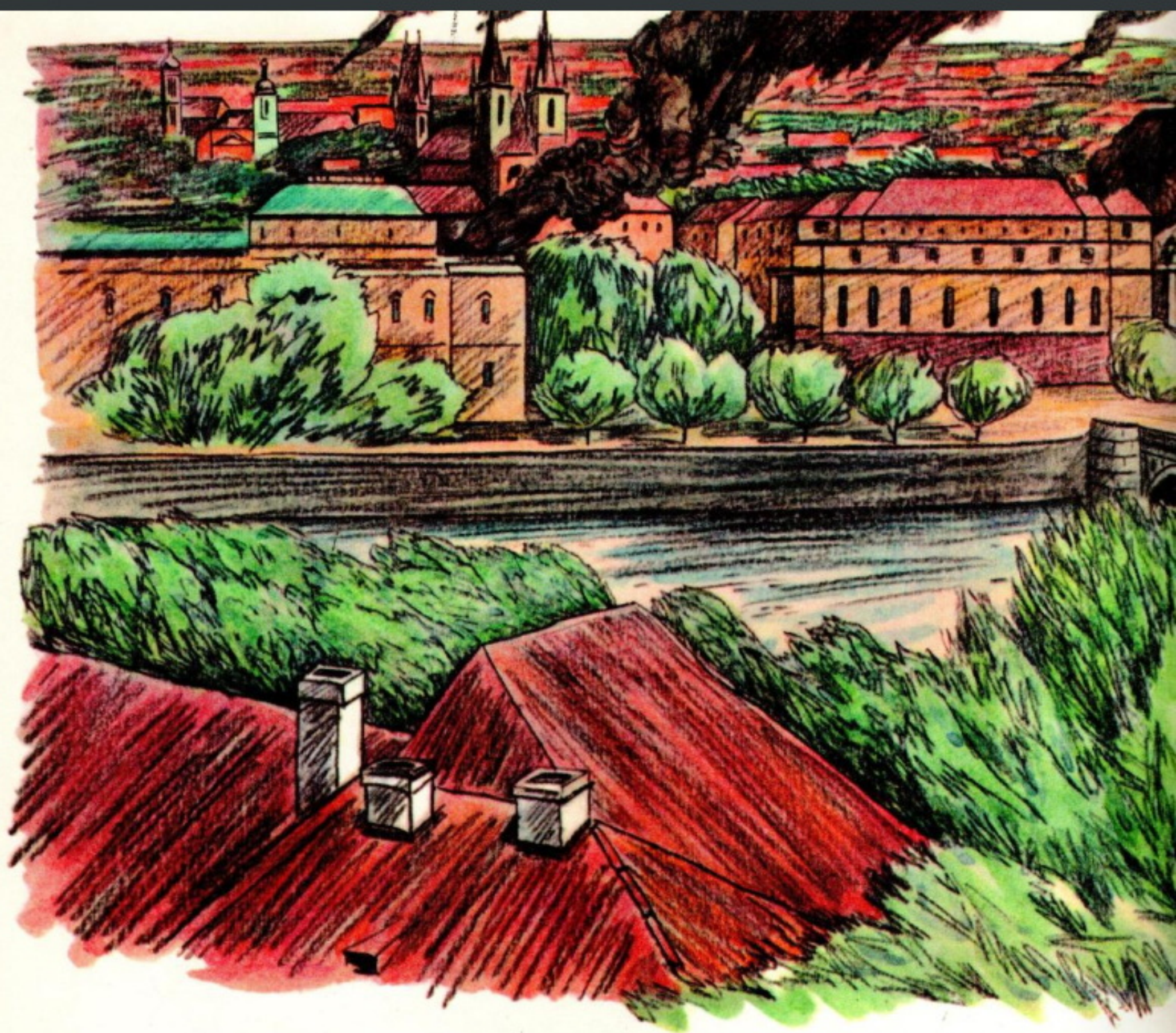
БЕССМЕРТНЫЙ ТАНК

Ночью прошёл дождь. К утру небо посветлело. Розовая полоска на горизонте предвещала погожий день. Плыл в низинах густой белый туман. Прохладная даль мягко синела. В этот рассветный час танки взвода лейтенанта Буракова остановились на взгорке. Танкисты молча вглядывались в очертания города. Где-то там, на площадях, фашисты ещё расстреливают патриотов. Где-то там, в лабиринте улиц и переулков, фашисты ещё штурмуют баррикады, и льётся кровь восставших. Где-то там, под мостами и фундаментами Праги, таятся запалы, фугаски, таится смерть.

Командир взвода был краток:

— Предстоит последний бросок,— сказал он.— В головном дозоре пойдёт танк лейтенанта Гончаренко. Бдительность удвоить. Особенно у мостов. Задача ясна?

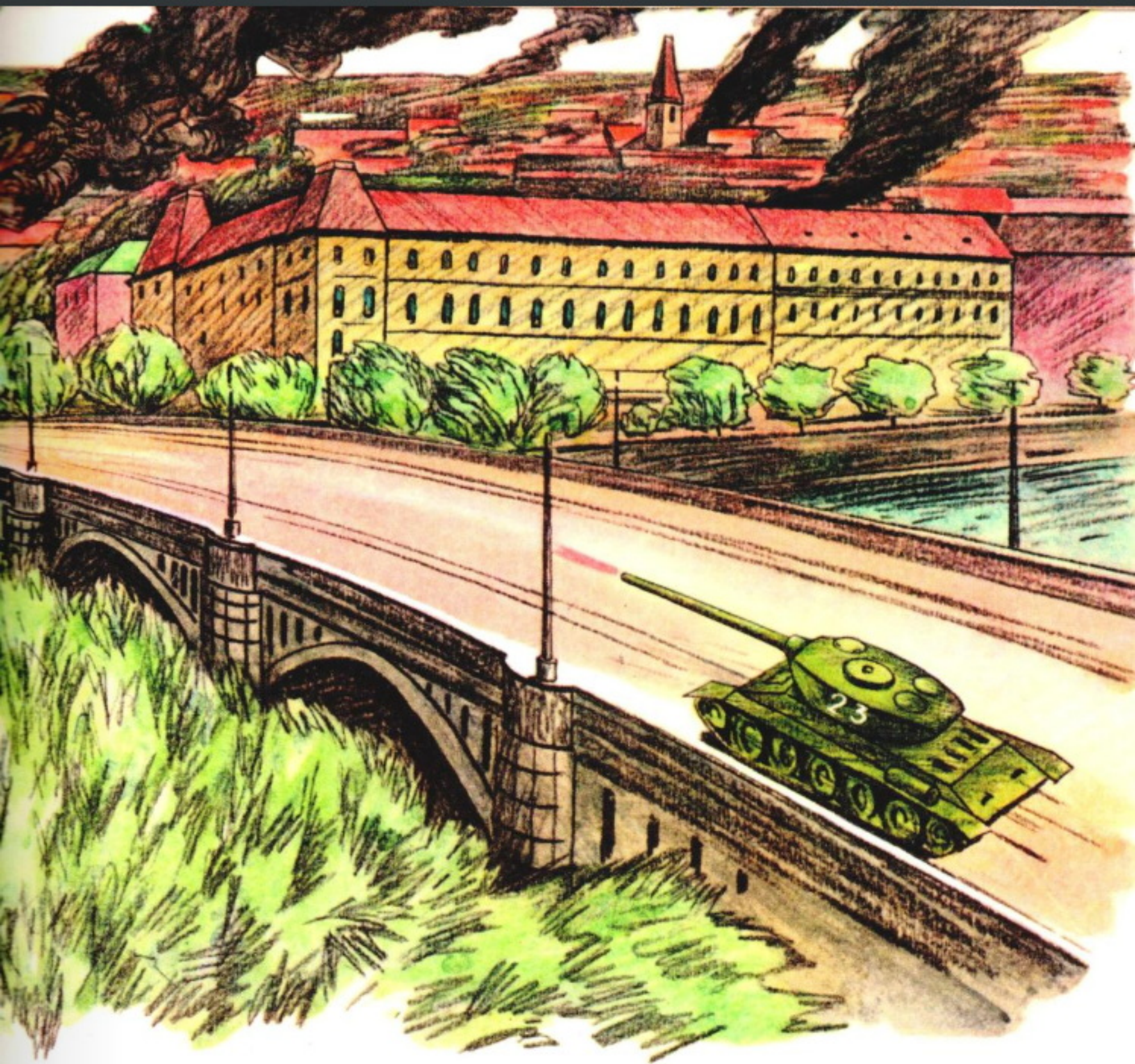
...Танк с бортовым номером «23» медленно и настороженно

входит в Прагу. По крутому спуску приближается к Влтаве. Вот и Манесов мост — через него прямой путь к центру Праги. Противника не видно, но, конечно, он где-то неподалёку. Уж очень важный стратегический объект этот мост, вряд ли гитлеровцы оставят его без охраны.

Прав был командир танка, размышляя так. Выстрел! Ещё один! Вот они, вражеские самоходки — обнаружили себя. Конечно, замаскированы.

— Зелёный май — хорошая маскировка, зелёный май — хорошая маскировка, — повторял сквозь зубы командир орудия Баты-

рев, прицеливаясь в пушки врага, упрятанные в прибрежных зарослях.

Выстрел — попадание! Выстрел — попадание! Ура-а-а! Хорошо горят вражеские машины! Жарко фрицам, ох, жарко! Но вот беда! — немецкий снаряд угодил в башню нашего танка. Упал замертво командир танка Иван Григорьевич Гончаренко.

Танкисты не дрогнули — решили биться до конца. Ещё одна вражеская самоходка в дыму и пламени. Но ранены механик-водитель, радист и заряжающий. И пушка красной звезды танка заклинена. Ствол её беспомощно устремлён в одну точку.

С минуты на минуту подойдут танки товарищей по взводу. Ещё немного, ещё чуть-чуть — и наши рядом. И — конец гитлеровцам.

— Держись, браток! — говорили танкисты друг другу. — Ещё немного, чуть-чуть!

А пока в ход пошли автоматы.

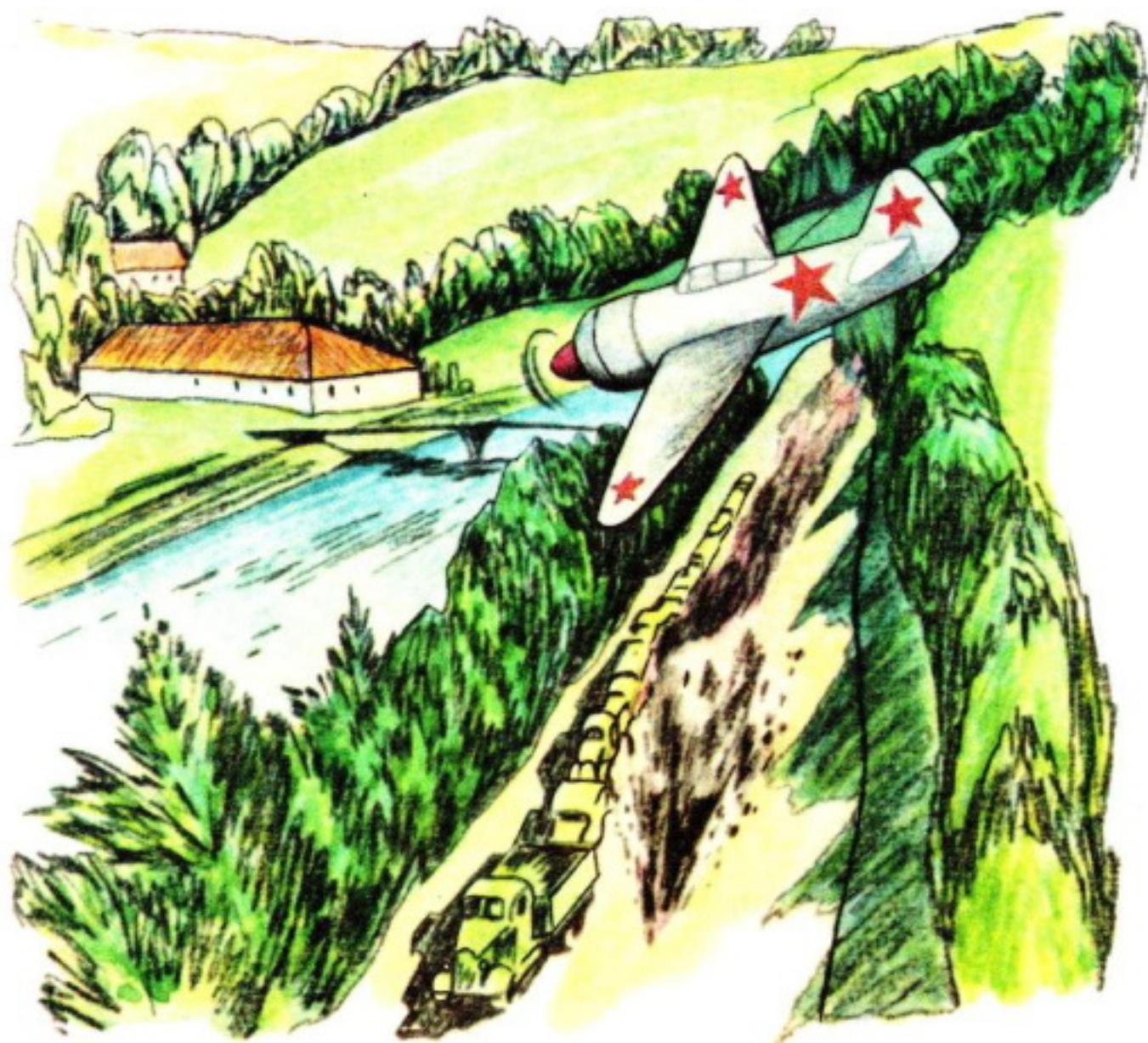
— Нет, гады, не дадим вам взорвать мост.

Тут подоспели товарищи, вражеский заслон был разгромлен. Дорога в центр Праги свободна.

Советские танки вошли в чешскую столицу с северо-запада, со стороны Берлина, и с юго-востока, со стороны города Брно. Неслыханный по темпам, несравненный по героизму многосуточный марш танкистов достиг своей цели: Прага была спасена от разрушения, а жители её — от уничтожения.

Погибшего в утреннем бою Ивана Гончаренко торжественно похоронили жители Праги. А танк, которым он командовал, стал бессмертным. Как символ нерушимой дружбы советского и чехословацкого народов высится он на площади Советских танкистов. Чётко виден его бортовой номер «23». Жители любовно называют его Вечным Гражданином Праги.

БОЙ ВЕДЁТ ЛЁТЧИК ВАСИЛИЙ ЗАЙЦЕВ

За Прагу сражались танкисты и пехотинцы, артиллеристы и сапёры, связисты и миномётчики, воины всех родов оружия. За Прагу шли бои на земле и в воздухе.

Особенно отличился в боях за Прагу гвардейский авиационный истребительный полк, которым командовал дважды Герой Советского Союза полковник Василий Александрович Зайцев. На боевом счету Зайцева — 34 фашистских самолёта, сбитых им самим, и 19 самолётов, сбитых в групповом полёте. Всего Зайцев совершил за время войны более четырёхсот боевых вылетов и провёл 163 воздушных схватки.

В один из майских дней, когда наши войска двигались к Праге, Зайцев, пролетая над шоссе, заметил скопление немецких автомашин, большинство из которых — бензозаправщики.

— Надо эти бензозаправщики уничтожить, — решил Зайцев. —

Не будет бензозаправщиков, значит, гитлеровские танки и самоходки останутся без горючего и выйдут из строя. Удар по бензозаправщикам — удар и по танкам.

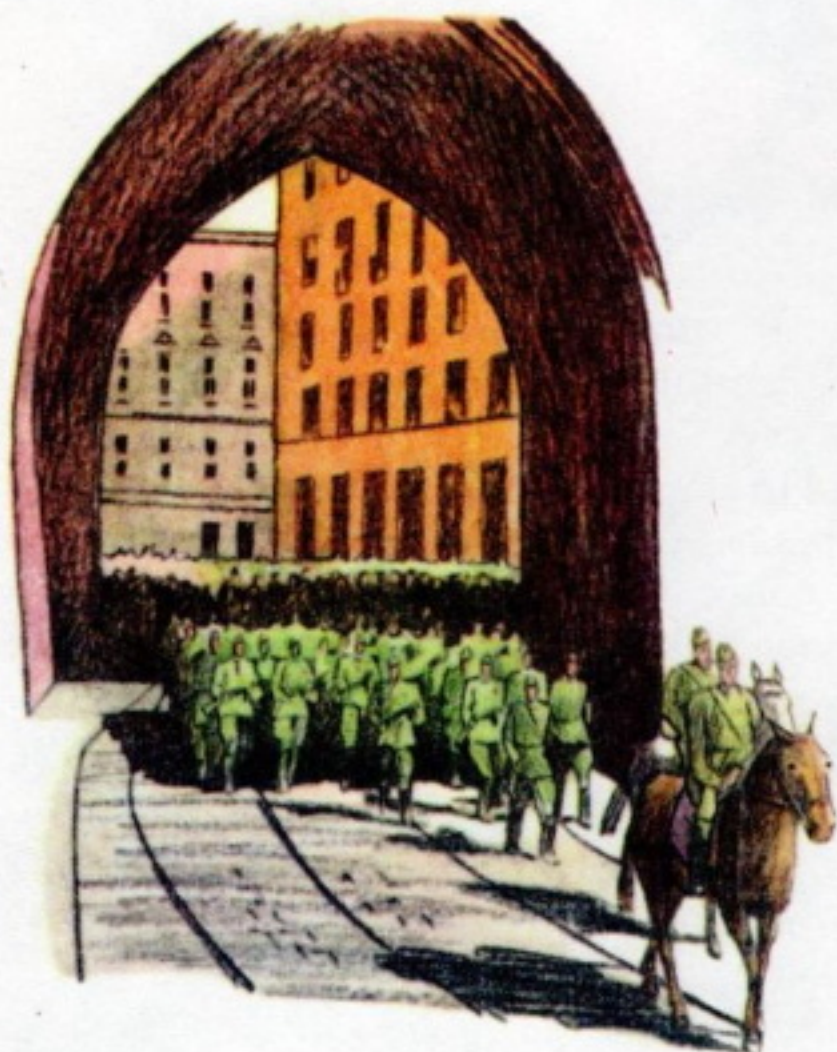
Зайцев ринулся в атаку, пронёсся над целью и точным огнём поджёг несколько вражеских машин. Ещё заход — и опять взвились к небу столбы чёрного дыма.

Загрохотали вражеские зенитные пушки. Затрещали крупнокалиберные пулемёты. Самолёт Зайцева взмыл вверх. В этот самый момент лётчика тяжело ранило. Казалось, самолёт потеряет управление и разобьётся. Однако пилот нашёл в себе силы вывести самолёт из-под огня противника, развернуть его в сторону от шоссе и посадить в расположении наших войск. Когда самолёт приземлился, товарищи Зайцева бросились к машине. Мотор ещё работал. Лётчик был без сознания.

...В госпитале, едва очнувшись, Зайцев выжидающе посмотрел на врача, как бы спрашивая: «Ну, как Прага?»

Врач понял немой вопрос:

— Порядок! Свободна Прага.

МАРИЙКИН БУКЕТ

Все свои восемь лет Марийка прожила в Праге. Её папа — рабочий, пятый день его нет дома. Дедушка сказал, что началось восстание, вот поэтому и папы нет, он сражается на баррикадах. Дедушка объяснил Марийке, что такое баррикады, кто такие коммунисты, а почему фашисты плохие, ей и объяснять не надо. Вон у Златы из пятнадцатой квартиры фашисты схватили папу, и до сих пор никто не знает, что с ним, а у Янека из соседнего дома из всей семьи осталась только бабушка. Мама тоже на баррикадах, папа сказал, что её помощь будет очень нужна — перевязывать раненых, подносить патроны, а к тому же, мама — меткий стрелок, она сама не раз хвасталась Марийке, как до войны всех обыгрывала в тире. Обещала и её научить.

Марийка плохо спала в эту ночь. Всё вертелась на кровати, переворачивала подушку, брала в руки куклу Руженку, бросала, играла в теневой театр: свет от настольной лампы падал косо, и пальцы Марийки складывались в козлика, ослика, ворону. Потом вдруг по стене метнулся заяц, сам откуда-то появился, — тут девочка не выдержала, засмеялась. Дедушка, всегда такой строгий, и головы в её сторону не повернул — сидел за столом, уткнувшись в карту, пил крепкий чай, смотрел в окно. Похоже, не ложился

и не думает ложиться. Ждёт чего-то. Под утро сон сморил Марийку. Однако не надолго. В окнах задребезжали стёкла. Слышалась стрельба, раскаты взрывов, чьи-то возбуждённые голоса выкрикивали под самым окном:

— Красная Армия пришла! Красная Армия пришла!

Дедушка распахнул окно, в комнату ворвался ветер. Голоса стали громче. Дедушка поднял руки высоко вверх, неизвестно кому приветственно помахал. Подошёл к Марийкиной кровати, наклонился, поцеловал в тёплую щёчку.

— Всё, моя хорошая, всё...

Марийка увидела на щеке у дедушки слезу. Никогда она не видела, чтобы дедушка плакал, и вот, пожалуйста.

— Дедушка, не плачь,— сказала Марийка.— Не надо,— и села в постели.

Дедушка вдруг засмеялся, вынул из шкафа праздничный костюм, к пиджаку прикрепил красную ленточку, нагнулся за ботинками.

Марийка сообразила, что дедушка уходит.

— Куда ты, дедушка?!— закричала она.

— Сынков встречать,— ответил дедушка, ища взглядом шляпу.

— Вот она — на гвоздике... за шкафом, — хихикнула Марийка и подумала, что у дедушки один сын — её папа, и тот сейчас на баррикадах, каких же сынков он собирается встречать? Спрашивать не стала, а прыгнула на пол и быстро-быстро начала натягивать платье. Вспомнила, что дедушка надел праздничную одежду, и ей надо платье в горошек, синее, в белый горошек, мама недавно ей из своего перешила, метнулась к маминой кровати, к шкафу, а тут дедушка уходя и спросил:

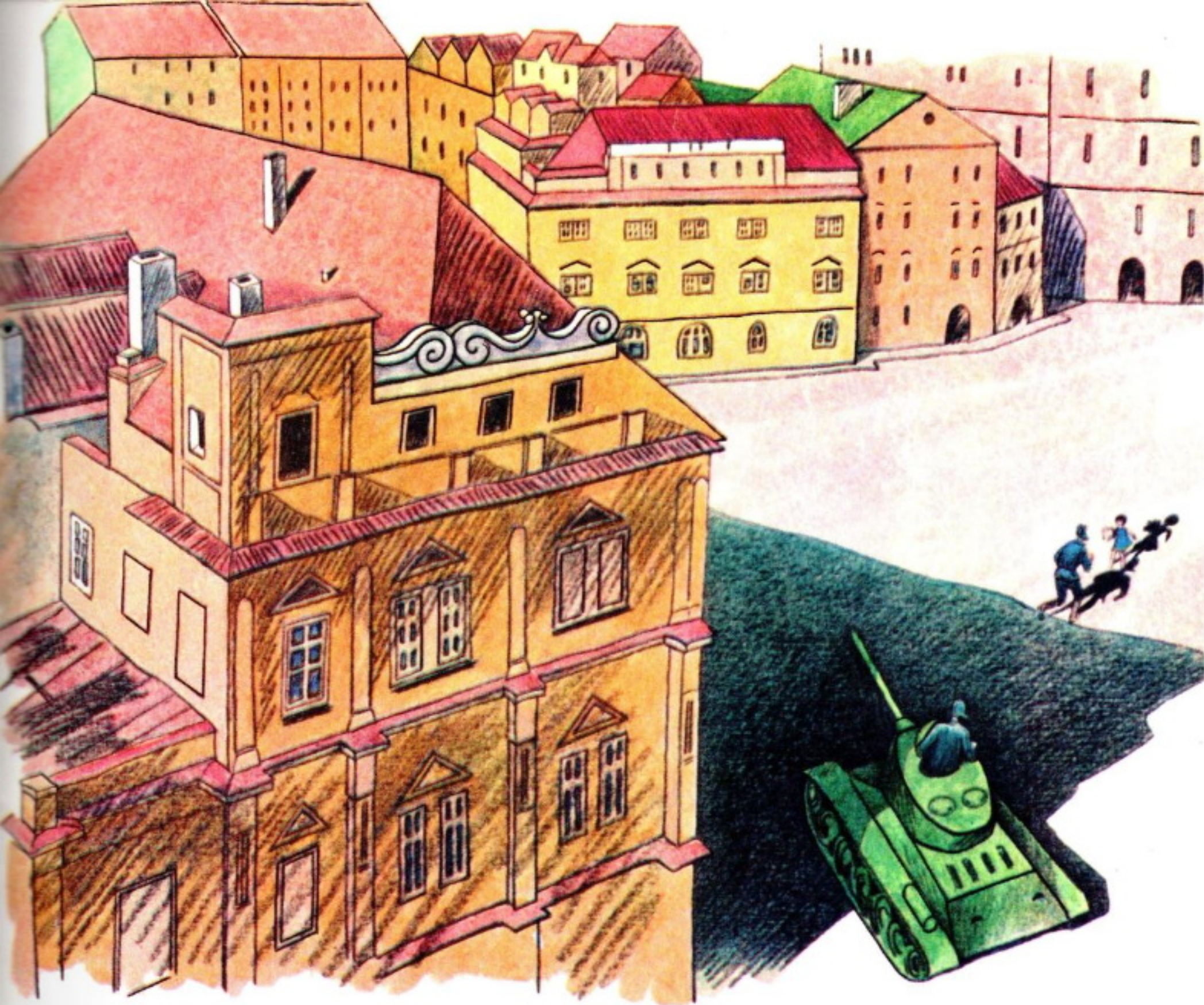
— Ну, что заметалась? Куда собираешься?

— Сынков встречать,— его же словами ответила Марийка, а дедушка опять засмеялся:

— Нет, внученька, рано тебе, там стреляют, нельзя. Нельзя! — уже совсем строго повторил он и вышел.

Марийка осталась одна. Сначала хотела заплакать. Потом раздумала. Оделась. Выпила чаю. Голоса за окном всё громче, всё веселей. Ветки сирени стучались в оконные стёкла. Марийка высунулась из окна, сорвала пахучие ветки, поискала счастливый цветок с пятью лепестками. Нашла! Вот это да — первый раз в жизни нашла!

— Раз нашла — пойду, раз нашла — пойду, раз нашла —

пойду,—напевая так, девочка спустилась по лестнице и выбежала из подъезда.

...Золотое солнце вставало над Прагой. Советский танк остановился на углу улиц, выходящих на небольшую площадь. Впереди, в каменном доме, обосновались фашисты. Оттуда стреляли.

Командир танка поджидал, когда подойдут автоматчики, чтобы тут же начать атаку.

Вдруг механик-водитель закричал:

— Товарищ командир! Товарищ командир! Вы поглядите! По площади с букетом сирени в руках бежала девочка.

Командир мгновенно оценил обстановку:

— Вперёд! — приказал он механику-водителю. — Разверни машину, чтобы прикрыть ребёнка!

Мотор взревел, танк, лязгнув гусеницами, развернулся и выкатился на площадь. Риск был огромный. Борт танка открылся для обстрела. По металлу забарабанили пули, неподалёку разорвался снаряд. Зато девочка была защищена. Из орудия открыли по фашистам огонь. Командир побежал навстречу девочке, подхватил её на руки — и к танку! Тут подоспели автоматчики, выбили гитлеровцев из каменного дома и уничтожили фашистскую пушку.

Стрельба прекратилась. Девочка — это была Марийка — сидела на плече командира танка и счастливо улыбалась. Её букет сирени лежал на горячей броне танка.

К танку со всех сторон бежали люди и кричали: «Наздар! Наздар!» Они обнимали советских танкистов, пожимали им руки, говорили: «Спасибо, сынки, спасибо!» Рядом с Марийкиным букетом на броне танка лежало теперь много других букетов. Запах бензина перебивался стойким ароматом весенних цветов. Женщина в коричневом жакете держала за руку Марийку и жестами старалась объяснить, как она благодарна за спасение дочки.

— Командир, — сказал механик-водитель, — Марийкина мама спрашивает вашу фамилию.

— Крюков моя фамилия. Крю-ко-ов!

Танк развернулся и скрылся за поворотом.

А счастливая Марийка всё ещё переживала своё приключение. Навсегда врезались в её память и это золотое солнце над Прагой, и добрый, сильный советский танкист, так легко подхвативший её на руки, и тёплая броня танка — последнее утро войны.

ПРАГА ЛИКУЕТ

Боевые действия в Праге завершились к 10 часам утра девятого мая. Лишь на окраинах слышались редкие выстрелы. Скоро затихло и там. Советские радисты послали донесение маршалу Коневу: «Прага освобождена». Но маршалу нужно подробное донесение, а его нет и нет. В чём дело? Маршал посылает в Прагу самолёт, поручив лётчику с малой высоты выяснить обстановку в городе. Лётчик докладывает:

— Прага ликует... Улицы запружены народом...

— Прага ликует — это хорошо. Но где же мои офицеры связи?

Скоро всё прояснилось. Офицеры связи не могли прорваться сквозь толпы ликующих пражан. На улицах — демонстрации. Советских воинов обнимают, целуют, качают, зазывают в гости. Вот в такой «плен» попали офицеры связи маршала Конева.

— Из такого окружения, — говорили они, — не вырваться. Это же окружение дружбы.

И сам Конев не избежал такого «плена». Когда машина маршала въехала в Прагу, её чуть не подхватили на руки, забросали

цветами. Маршал стоял в открытой машине, улыбался, отвечал на приветствия, показывал на часы: ему нужно спешить. Но пражане шли рядом с машиной, с одной улицы на другую волной перекачивалось:

— Спасибо! Спасибо!

Много видела Прага праздников за свою тысячелетнюю историю. Но такого, каким был праздник освобождения — день 9 мая 1945 года — не было ещё никогда. Неповторимый праздник. Са-

мый радостный. Самый многолюдный. Все жители Праги — от малышей до стариков — вышли на улицы в нарядных одеждах, с цветами. Советских воинов называли сынками, братиками, обнимали. И, обняв, плакали от счастья.

Вот идут в одном строю советские и чехословацкие воины... Два знамени, словно два крыла одной птицы, взвиваются в синее небо. Играет оркестр. Звучит песня чехословацких воинов:

С потомками русских богатырей
Внуки гуситов шагают вперёд.
Мы — боевой авангард наших дней,
Мы — нового мира оплот.

Эту торжественную песню сменяет знакомая советская:

Три танкиста, три весёлых друга —
Экипаж машины боевой...

Улицы гудят сотнями тысяч человеческих голосов. На набережной Влтавы высокий седоголовый чех рассказывает советским солдатам старинную легенду:

— Много страдала наша страна, — говорит он. — Но мы всегда верили, что придёт Победа, взойдёт Свобода. У нас говорили: настоящая свобода придёт к нам тогда, когда русский казак напоит своего коня во Влтаве. И вот вы здесь. И здесь — свобода.

— Ано! Ано! (Так! Так!) — кивают головами пражане.

* * *

Родина высоко оценила подвиг участников Пражской операции, наградив их орденами и медалями. А тридцать соединений и частей, особо отличившихся при освобождении Праги, получили наименование Пражских.

Каждый участник боёв за Прагу был награждён медалью «За освобождение Праги». Четыреста тысяч бойцов и командиров удостоены этой почётной награды.

